

Глава 3

От двух коротких фраз у Шэнь Хуэя подкосились колени. Его смольно-черные волосы, влажные от пота, липли к бледным, почти прозрачным щекам, и вид у него был до боли жалкий.

Он мертвой хваткой вцепился в запястье Янь Цзю, и в глазах его сверкнула отчаянная ярость загнанного зверя.

Одного этого взгляда хватило, чтобы альфа возбудился. Пылающие феромоны, потеряв всякий контроль, обвилились вокруг шеи Шэнь Хуэя и просочились под воротник.

Янь Цзю мягко стер пот с его щек; от шершавых кончиков пальцев нежная кожа тут же покраснела. Хрипло он сказал:

— Не бойся, это сделает тебя счастливым.

Эти слова подействовали сильнее самого препарата; дыхание Шэнь Хуэя стало тяжелым, зрение понемногу затуманилось.

Столкнувшись с откровенно хищным взглядом альфы, Шэнь Хуэй почувствовал, как в нем вскипает ярость, но все вокруг уже плыло и кружилось.

Янь Цзю, казалось, прочел его мысли и тихо усмехнулся.

— Не волнуйся, сознание ты не потеряешь.

Он хотел, чтобы Шэнь Хуэй ясно видел, кто здесь хозяин положения.

Янь Цзю сжал его запястье и, чуть напрягшись, притянул к себе пропитанного потом мужчину.

Он был слишком легким.

Широким шагом Янь Цзю направился в спальню на втором этаже. Среди далеко не невинных мыслей он между делом отметил про себя, что потом надо будет как следует о нем позаботиться.

*

Второй этаж виллы сохранял роскошный классический стиль центральноевропейского замка; в камине мерцал огонь, и был слышен его негромкий треск.

Шэнь Хуэя швырнули на кровать. От головокружения ему хотелось свернуться клубком, но его грубо прижали к постели.

С альфой добыча, которую он уже поймал, могла рассчитывать на терпение: в тусклом, дрожащем свете он завладел губами, по которым давно тосковал.

Мягкие, влажные, прохладные — и в то же время такие возбуждающие, что кровь вспыхнула огнем, а душу пробрала дрожь. Даже пальцы у него задрожали. Янь Цзю больше не мог сдерживать врожденную агрессию альфы; его феромоны вышли из-под контроля, и он яростно кусал губы и язык, грубо отнимая у Шэнь Хуэя дыхание.

Трррк!

Альфа с жестокостью разорвал промокшую белую рубашку, но ладонь, гладившая щеку, была нежна, словно касалась сокровища. Его обжигающе горячая рука почувствовала, как под пальцами вздрагивает кадык, когда тот вынужденно сглатывает, и скользнула ниже по мокрой от пота коже.

— Шэнь Хуэй, смотри на меня. Кто я?

Шэнь Хуэй утонул в мягком постельном белье, взгляд его был расфокусирован, он не мог даже пальцем пошевелить. Он весь оказался во власти взгляда альфы и не замечал, до чего соблазнительно сейчас выглядит.

Растрепанные волосы, рваное дыхание, звон в ушах — хотя он был бетой и не чувствовал феромонов, ему казалось, будто его поглотило пламя, будто он тает в нем без остатка.

Человек перед ним был подобен извергающейся магме: жгучий жар окутывал со всех сторон, не оставляя пути к бегству.

Он инстинктивно качнул головой, отказываясь, но сильные пальцы на подбородке заставили его поднять лицо.

— Шэнь Хуэй, смотри на меня. Кто я? — дыхание альфы было тяжелым; он явно уже дошел до предела, но все равно требовал ответа властным тоном.

Шэнь Хуэй мучительно боролся, не в силах вырваться, и наконец сумел сфокусировать взгляд. Повинуясь инстинкту, он ответил на вопрос альфы:

— Янь... Янь Цзю.

В миг, когда слова сорвались с его губ, восторг вдребезги разбил остатки разума альфы. Пламя,

способное пожрать все, охватило Шэнь Хуэя.

У альфы окончательно начался гон.

Шэнь Хуэй сгорал дотла; огонь мчался по его венам, слизывая даже слезы. Когда он был уже на грани, альфа крепко пригвоздил его к постели и переместился к затылку.

Инстинктивная тревога на мгновение прояснила сознание Шэнь Хуэя, но бета был бессилён перед альфой в гоне. В ужасе он прошептал:

— Нет, нельзя кусать, я бета...

Янь Цзю уже втянул в рот мягкую плоть на заливке, слегка припухшую. Железа беты не была выраженной, но язык сразу уловил легкую шероховатость — рубцы от двух прежних операций по модификации железы.

— Я знаю, — жестоко сказал альфа, до конца поглощенный собственническим безумием. — Еще несколько следов, и этого будет достаточно.

— Нет, Янь... Янь Цзю!

— Я здесь.

Пламя пронзило кожу, кровь закипела. Шэнь Хуэй смотрел перед собой пустым взглядом, не в силах даже закричать.

По крайней мере сейчас Шэнь Хуэй целиком принадлежал ему, и только ему одному.

Семь дней спустя.

— Динь...

Микроволновка пискнула, сообщая, что разогрев закончен.

Янь Цзю, одетый лишь в свободные шорты и розовый фартук со Свинкой Пеппой, насвистывая мелодию, достал из микроволновки жареного голубя. Сочный, густой аромат тут же наполнил кухню. Глянув на птицу — румяную, хрустящую снаружи и нежную внутри, — Янь Цзю удовлетворенно кивнул.

Продавец женьшеня уверял, что обычному человеку хватит и маленького ломтика, но Шэнь Хуэй был слишком слаб и часто терял сознание на середине.

Янь Цзю нахмурился, глядя на половину корня старого женьшеня в руке, и мысли его невольно снова ушли к Шэнь Хуэю.

Сила альфы намного превосходила то, что мог вынести бета. Во время их первого раза Шэнь Хуэй яростно сопротивлялся, и Янь Цзю пришлось сильно укусить его за шею — следы от зубов были видны до сих пор.

...

Думать об этом было нельзя. Янь Цзю виновато кашлянул, добавил в кастрюлю еще полкорешка женьшеня поменьше и с довольным видом накрыл крышкой. Затем он выставил на стол жареного голубя и свиные ребрышки с личи. Боясь, что Шэнь Хуэю еда покажется слишком тяжелой, он еще приготовил бланшированную китайскую брокколи и несколько холодных закусок, а в конце выключил огонь и разлил суп.

Все это были обычные любимые блюда Шэнь Хуэя.

Лишь после этого Янь Цзю снял фартук и поднялся наверх будить Шэнь Хуэя к ужину.

Шторы в хозяйской спальне не раздвигали уже семь дней; в комнате царили полумрак и тепло. Янь Цзю откинул тяжелый полог кровати и увидел Шэнь Хуэя: тот спал, свернувшись на боку посередине постели и совершенно не замечая, что рядом кто-то сел.

Видя его таким беззащитным, Янь Цзю не мог заставить себя его потревожить; сердце распирало от почти переливающегося через край удовлетворения.

Шэнь Хуэй был в глубоком забытии, половина лица утонула в мягкой подушке. Длинные ресницы слиплись от влаги, чуть приоткрытые губы распухли, а следы укусов на загривке наслаивались один на другой и воспалились так, что до них невозможно было дотронуться. Жалкое зрелище.

Беты от природы не могли выдержать гон альфы; не в силах дать ему успокоение через феромоны, они заставляли альфу без конца возмещать это в репродуктивной полости.

Янь Цзю уже сбился со счета, сколько раз Шэнь Хуэй бессознательно умолял его о пощаде, но в гоне он ни на что не обращал внимания. Он хотел только одного: чтобы этот человек пропитался его запахом изнутри и снаружи, чтобы никто больше не посмел ни желать его, ни даже смотреть на него.

Даже одного взгляда на него сейчас хватало, чтобы внутри снова вспыхнули и переплелись удовлетворение и желание; хотелось навеки вырезать этого человека у себя в костях.

— Шэнь Хуэй, проснись.

Янь Цзю мягко похлопал его по щеке, собираясь разбудить ласково, но в тот миг, когда ладонь коснулась кожи, он почувствовал неладное.

Слишком горячо.

— Шэнь Хуэй!

Тягучее опьянение Янь Цзю исчезло мгновенно, уступив место тревоге. Он тут же поднял Шэнь Хуэя на руки и понял, что тот пылает, как печь.

— Проснись!

Шэнь Хуэй, не открывая глаз и ничего не сознавая, бессильно обмяк у него в руках.

Даже после метки у беты бывает лишь небольшой жар — не такой, чтобы гореть заживо. Это определенно было ненормально.

Теперь Янь Цзю было не до чего. Подхватив Шэнь Хуэя, он бросился в больницу.

Двери операционной с грохотом захлопнулись, и вспыхнула ослепительно-красная надпись: «Идет операция».

*

Только тогда Янь Цзю, пошатываясь, отступил на два шага и прислонился к стене, будто из него разом вытянули все силы. Он опустил взгляд на дрожащие руки, и перед глазами у него стоял лишь Шэнь Хуэй — хрупкий, на грани смерти.

Впервые в жизни он узнал вкус страха и ледящего ужаса, до того сильного, что не смел даже взглянуть на медицинские заключения.

Но многолетний опыт человека, привыкшего справляться с кризисами, позволил ему мгновенно подавить все разрушительные эмоции. Быстро перебрав в уме все возможные лазейки, он пришел к выводу: Шэнь Хуэй его обманул.

Он перенес операцию по замене железы.

Он солгал — и все равно... выбрал Чэнь Шэньчжи...

Всепоглощающая обида и ярость в тот же миг разнесли остатки рассудка. В ушах стоял такой гул, что он даже не заметил, как по коридору, сжимая в руках медицинские отчеты, в ярости

несется Гу Юй.

— Как ты посмел поставить ему метку в таком состоянии?!

Одного взгляда на скачущие показатели в отчетах хватило, чтобы врачебная этика и мораль Гу Юя дошли до предела. Со всей силы он замахнулся и ударил в красивое лицо Янь Цзю.

Глухой удар!

Даже не поднимая головы, Янь Цзю перехватил его кулак. Тело сработало быстрее мысли: он вывернул Гу Юю руку за спину и прижал его к стене.

Гу Юю показалось, будто он ударил в железную стену; следом мелькнула смазанная тень движения, и запястье пронзила мучительная боль.

— Ай... Ты насильник, отпусти!

Янь Цзю смутно помнил, кто такой Гу Юй, и ослабил хватку.

— Он перенес операцию по модификации железы, — отрывисто сказал он.

По одной этой фразе Гу Юй мгновенно сложил всю картину. На миг он даже не понял, что делать: бежать в операционную спасать источник неприятностей или вызывать полицию, чтобы арестовали стоящего перед ним человека.

В конце концов ему осталось только потереть запястье и закатить глаза.

— А ты чего ожидал? — раздраженно огрызнулся Гу Юй. — Молись лучше, чтобы он пережил операцию.

Затем он повернулся к интерну, который только что догнал его, и спросил:

— Кто ведущий хирург?

Запыхавшийся врач на мгновение замер, потом поспешно открыл телефон, но, пролистав что-то некоторое время, замолчал.

Гу Юй выхватил у него телефон и увидел в системе имя ведущего хирурга: специально приглашенный эксперт Чэнь Шэньчжи.

Уловив выражение тревоги на лице Гу Юя, Янь Цзю спросил:

— Что случилось?

Гу Юй ответил:

— Тебя предали.

*

Резкий свет операционных ламп заставил Шэнь Хуэя нахмуриться; с трудом он открыл глаза. Сознание было мутным, он повернул голову набок и, решив по ошибке, что Янь Цзю снова его донимает, пробормотал:

— Янь Цзю, перестань...

В операционной воцарилась мертвая тишина. Все врачи посмотрели на ведущего хирурга, и у каждого сердце ухнуло вниз.

Ведущий хирург был полностью скрыт стерильной операционной одеждой, но высокий рост, длинные ноги, широкие плечи и узкая талия выдавали красивого молодого мужчину. Глаза у него были мягкие, ласковые, однако пристальный взгляд пробирал до костей.

— Отложить анестезию. Сначала ввести пробуждающий препарат и привести пациента в сознание.

Помощница-хирург заколебалась.

— Это нарушает протокол.

Чэнь Шэньчжи доброжелательно взглянул на нее.

— Эта операция касается жизни пациента. Пациент должен осознавать риски.

Под его взглядом ассистентке стало не по себе, и она поспешно подчинилась.

Пять минут спустя Шэнь Хуэй медленно открыл глаза. Избегая слепящего света операционных ламп, он тут же перевел взгляд на Чэнь Шэньчжи в маске.

— Как же ты умудрился довести себя до такого состояния всего за несколько дней разлуки?

Чэнь Шэньчжи смотрел на Шэнь Хуэя с мягким участием, словно имел дело с непослушным, проказливым ребенком.

Но Шэнь Хуэй знал: это всего лишь маска. Под этой улыбкой скрывалось сердце, холодное как железо.

Чэнь Шэньчжи сказал:

— Нагулялся — возвращайся. Хватит устраивать истерику.

Если бы не правила операционной, он бы уже ласково коснулся щеки Шэнь Хуэя — с той интимностью, какая бывает между любовниками.

Ослабевший от жара Шэнь Хуэй смотрел необычайно ясными глазами. На губах его появилась слабая улыбка.

— Я знал, что ты придешь. И что ты принесешь с собой ту вещь.

Чэнь Шэньчжи едва заметно приподнял бровь и инстинктивно покосился на холодильный блок у другой стены.

Улыбка Шэнь Хуэя стала шире.

— Поэтому я тоже приготовил для тебя подарок.

Настороженность Чэнь Шэньчжи вспыхнула мгновенно, но было уже слишком поздно.

<http://bllate.org/book/17144/1604489>